

Анна Хрусталева, журналист, писатель. Родилась и выросла в Таллине (Эстония). Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета.

Автор рассказов и нескольких циклов сказок. Лауреат всероссийских и международных журналистских премий, в том числе "Образование в зеркале прессы" и "Золотое перо" Международного фестиваля искусств "Славянский базар". Член Союза журналистов России. Живет в Москве.

Анна Хрусталёва
г. Москва

Ученик Дракона

Его разбудили шаги. Дракон их еще не слышал, но уже чувствовал ленивое колыхание густого, веками недвижимого воздуха. Нехотя приоткрыл гигантский янтарный глаз. Раздраженно шевельнул крылом. В ноздрях неприятно зашипало: так некстати разбудившие его шаги пахли страхом и вместе с тем отчаянной решимостью. Но больше страхом. Дракон тяжело вздохнул и проснулся окончательно.

На вид мальчишке было лет пятнадцать. Не больше. Тощий. Конопатый. Глаз за отросшей белобрысой челкой не разглядеть. В руках какая-то дурацкая палка. Нет, не палка – кусок кривой железки.

- Это меч! Я сам его выковал, - перехватив взгляд Дракона, выпалил малец. – Им-то я убью тебя, проклятое чудище!

- Странно, - протянул Дракон, - откуда здесь мухи? Отродясь тут мух не водилось. Да и потом не сезон. Но что-то ведь жужжит. Да так назойливо!

- Не смей ухмыляться, когда с тобой говорит Олав, рыцарь Белого замка, - голос мальчишки задрожал, обиженно сорвавшись на смешной цыплячий писк.

- Да какой ты Олав? - хмыкнул Дракон. – Рыцарь Белого замка. Держите меня. Олешка, холоп из деревни Черная Грязь – вот ты кто. Кузнечный подмастерье. Странно, что еще не запорол тебя кузнец. За кривые руки да вздорный нрав.

Паренек от изумления аж рот разинул. И даже палку свою опустил.

- А ты откуда знаешь про Черную Грязь да про кузнеца?

- Я все знаю, мой мальчик. Все и про всех. Мне тысяча лет. Ступай домой. И благодари своих богов, что нынче я не голоден.

Но Олешка не тронулся с места. Он заворожено, не отрываясь, глазами, где ужас мешался с восторгом и любопытством, разглядывал Дракона. Его золотистую с изумрудными искрами чешую, твердую, как гранит, гладкую, как заморская сталь. Крылья, мощные, будто приборой. Когтистые лапы. Зубы – каждый величиной с деревянного идола на древнем капище. Утробную тьму гигантской пасти, клубящуюся редкими багряными отсветами.

- Пошел прочь, щенок! – рывкнул вдруг Дракон, стеганув хвостом так, что со свода осыпалась душная каменная пыль. – Убирайся, покуда я не превратил тебя в горсть никчемного пепла!

***

Он был последним драконом в этих горах. Последним осколком некогда могучего рода. Его предки держали под своим крылом всю близлежащую равнину на

три дня лету. Люди платили им дань, а пытались бунтовать, драконы карали – стремительно и беспощадно, выжигая города и деревни, будто сухую траву в знойный августовский полдень. Жалости они не ведали, как, впрочем, и любых других чувств. Их сердца трепетали лишь при виде матово переливающихся золотых да от глухого перестука драгоценных камней и самоцветов. Они были умны и всевидящи, но их время вышло: одних скосили неведомые болезни, другие пали в кровавых междоусобицах, третьи ушли на север в поисках новых земель, да так и сгнули в клубящихся ледяных туманах. Когда-то, помнится, у Дракона была жена, совсем еще молодая, с упругим гибким телом и рубиновыми глазами. Потом не стало и ее. Умерла, наверное. Или улетела. Может, это случилось столетия назад, а может, вчера. Какая, собственно, разница? Он даже не заметил, как и когда остался один. Просыпаясь, обводил мутным взглядом пещеру, высокие своды которой терялись во мраке. Тускло мерцали бесценные груды золота, которые он сторожил так же, как это делали когда-то его деды и прадеды. Древние сокровища не будили в нем никаких чувств. Он сторожил их по привычке, по заведенному некогда обычаю. Так положено, а кем положено и зачем, он не задумывался. По вечерам, расправив крылья, он взмывал в поднебесье, и парил гордо и свободно в призрачном свете серебряной луны. И растворенный в этом вечном небе, он был по-настоящему счастлив. Внизу текли века, рушились царства, за войной шел мир, а мир вновь сменяла война, но Дракону не было до этого никакого дела. Он знал все, и безграничнее его знания было лишь его равнодушие.

***

Олешка сидел на огромном валуне у входа в пещеру. Зябко кутался в изрядно прохудившийся охабень явно с чужого плеча. Редкие снежинки щекотали его макушку,

падали за воротник. Мальчишка тихо раскачивался из стороны в сторону и что-то невнятно бормотал себе под нос. Первым желанием Дракона было убить. Пожечь. Растоптать. Но уже в следующее мгновение гнев, столь непривычный, потому что был каким-никаким, но все же чувством, вновь уступил место холодному безразличию. Сидит – ну и пусть себе сидит. Ему-то что? Он даже не стал накладывать на устье пещеры затворяющее заклятье: если этот свалившийся на его голову подкидыш надумает что-то украсть, ему же хуже. Далеко он не уйдет, и расправа будет страшна и неминуема. Дракон взвился в предвечернее зимнее небо яркой стрелой и тут же забыл обо всем: о непрошеном госте, о собственном раздражении, и даже об оставленных без присмотра богатствах. Он вдыхал ветер, рассыпал в облаках снопы разноцветных искр...

- Пустите погреться, я вам честное слово не помешаю, - он вновь не услышал, а лишь почувствовал этот тихий беспомощный шепот.

Дракон не ответил. Олешка расценил молчание как великодушное приглашение и вскоре уже спал, обняв свой меч и укрывшись безразмерным охабнем.

***

- Тамила – дочь нашего князя, - мальчишка с упоением обсасывал кость, на которой уже полчаса как не осталось ни клочка мяса. Счастливо жмурился то ли от сытости, то ли от жара костра, то ли от воспоминаний о красавице княжне. – Светлейший пообещал отдать ее за того, кто добудет рубиновое сердце дракона. Вот я собрался и пошел. Спросил у дядюшки Метса, в какой стороне живет дракон, и пошел.

- И долго шел?

- Долго. Неделю. Может, две. Но это неважно. Назад без твоего сердца мне все равно пути нет. Кузнец забьет меня до смерти за то, что сбежал. А если вернусь без пяти

минут княжеским зятем, тогда и пальцем не тронет. Не посмеет.

Дракон захохотал. Впервые за долгие столетия. А, может, впервые в жизни.

- Ты боишься кузнеца, а меня не испугался. Чудак-человек!

- А что тебя бояться, - Олешка блаженно растянулся на камнях. – Всем известно: драконы – не люди, если и убивают, то в честном бою.

- Что же ты не забрал рубиновое сердце, пока меня не было в пещере? - смех Дракона внезапно оборвался, выплеснулся в зловещее шипение, - Да еще монет с собой не прихватил? Ведь смог бы жить безбедно до глубокой старости. Чудак-человек!

Губы мальчишки задрожали от обиды. Он гордо вскинул голову, из-под лохматой челки гневно блеснули глаза. «Чистейшие лазуриты. – машинально отметил про себя Дракон. – Камни странников, идущих за мечтой».

- Я – не вор! Я – воин! Мне не нужны твои деньги. Мне нужно твоё рубиновое сердце!

- Зачем тебе княжна Тамила? – резко перебил его Дракон. – Ты и видел-то ее всего пару раз, да и то мельком, издалека. И не любишь ты ее вовсе. Все знают, что Олешка из деревни Черная Грязь с детства влюблен в Малушу, дочь своего хозяина-кузнеца, курносую хохотушку с глазами-хризолитами. Вот ее и добивайся, если, конечно, хочешь быть счастливым. Но ты тщеславен, как весь ваш род человеческий. Ты жаждешь высот и готов заплатить за них чем угодно, даже любовью.

- Не тебе говорить со мной о любви! Ты знаешь мое имя, знаешь, откуда я родом, но о любви тебе уж точно ничего не известно. Разве ты сам любил хоть однажды? Ну, скажи, любил? Или, может, когда-то был счастлив? А, может, ты не жаждешь высот? И уже не заплатил за них счастьем?

- Счастье – не слышать твоей глупой болтовни, - буркнул Дракон. – Пойдем, так и быть, я покажу тебе свое рубиновое сердце.

***

Дни просыпались один за другим, как песок в гигантских часах. Песчинка за песчинкой, столь же одинаковые, сколько и непохожие один на другой. Олешка охотился в горах, а по вечерам зачарованно перебирал и рассматривал россыпи драгоценных камней, с любопытством слушая рассказы Дракона о приписываемых им чудесах. Небесно-голубой топаз закаляет дух и придает душевных сил, но его мягкое свечение обманчиво, владеющий им никогда не познает тишины и покоя. А вот шоколадный авантюрин, мерцающий в глубине алыми огнями, - верный спутник шулеров и страстных любовников. Берилл – камень мудрецов. Бесценные смарагды – защитники мореплавателей и путешественников. Сила изумруда огромна, и горе тому, кто украдет его: камень обрушит на вора всю свою мощь, всю ярость. Обволакивающий синевой сапфир выводит солдат живыми из любого боя, а полководцам несет победу. Но больше всего Олешка любил слушать истории про сердце дракона – гигантский рубин цвета терпкой густой крови. Про даруемое им всевластие и непобедимость. Про способность разжигать неодолимую страсть в душе любой, самой горделивой красавицы. И даже про способность воскрешать из мертвых.

- Почему ты не воспользуешься его могуществом? – воскликнул однажды Олешка. – Ты мог бы стать властелином мира!

- Зачем мне твой мир? – удивился Дракон. – Достаточно того, что у меня есть небо.

- Тогда подари его мне, - прошептал мальчишка.

- Не могу, даже если бы захотел. Я должен сторожить его. Таков порядок.

Дракону нравилось, как слушает его Олешка. Никто и никогда не слушал его так. И он рассказывал про заповедные травы, исцеляющие любые болезни, про древние заклинания, умиротворяющие бесноватых и утешающие отчаявшихся. Взмывая вечерами ввысь, он уже не растворялся в прозрачном ледяном воздухе, а думал о том, чему еще научить этого смешного конопатого мальчишку. А однажды, возвращаясь домой, увидел, как среди темных туч всего на мгновение мелькнуло молодое упругое тело красавицы самки, прорезав сгущающийся сумрак сполохом рубиновых глаз...

- Мне пора назад, к людям, - сказал как-то Олешка, задумчиво теребя рукава своего безразмерного охабня. Низкое зимнее солнце золотило его бледные щеки и тонкую голубую жилку, нежно бившуюся на виске.

- Зачем? Разве тебе плохо со мной?

- Хорошо. Но если я не увижу Малушу, то перестану дышать.

- А как же княжна Тамила?

Олешка ничего не ответил и отвернулся.

- Хочешь, подарю тебе золотую монету? Старинную.

Олешка молча вышел из пещеры.

Следующим утром он ушел. На пороге обернулся.

- Я давно должен был тебе сказать. Рыцари собираются в поход за твоим сердцем. Они поклялись положить его к ногам князя. И не позднее Рождества.

- Я все ждал, когда ты расскажешь мне об этом. Не волнуйся. Пока со мной мой рубин, что мне какая-то горстка самоуверенных безумцев.

Олешка облегченно вздохнул, мотнул головой и, не прощаясь, шагнул в зарю. К вечеру он спустился на равнину. Долго вглядывался в темнеющее небо, силясь разглядеть в вышине золотистую чешую в изумрудных искрах. Но небо затянули волглые снежные тучи – гляди-не гляди, ничего не видно. Олешка поплотнее запахнул

охабень и спрятал руки в прорехи у ворота. Пальцы что-то царапнуло. Олешка задохнулся, что есть силы рванул воротник и на белый снег кровавым сгустком пало рубиновое сердце дракона.